

Глава 1

Финн ждал меня на углу, и при виде его я сразу понял, что дело неладно. Обычно Финн ждет меня в постели или прислонившись к дверному косяку и закрыв глаза. К тому же меня задержала забастовка. Я и всегда ненавижу обратный путь в Англию и бываю безутешен до тех пор, пока мне не удастся уйти с головой в любимый Лондон и я уже не помню, что уезжал. А тут можете себе представить, как мне было весело, когда пришлось болтаться без дела в Ньюхейвене, дожидаясь, пока опять пойдут поезда, а из ноздрей у меня еще не выветрился запах Франции. В довершение всего коньяк, который я всегда провожу благополучно, отобрали на таможне, так что, когда закрылись рестораны, я оказался целиком во власти мучительного болезненного самоанализа. Бодрящей объективности отрешенного созерцания человек моего склада не способен достигнуть в незнакомом английском городе, даже когда ему не нужно вдобавок тревожиться о поездах. Поезда вообще не полезны для нервов. Про что людям снились кошмары, когда еще не было поездов? По всем этим причинам, вместе взятым, мне не понравилось, что Финн ждет меня на улице.

Увидев Финна, я сейчас же остановился и поставил чемоданы на землю. Они были набиты французскими книгами и очень тяжелые. Я крикнул: «Эй!» — и Финн

медленно двинулся ко мне. Финн никогда не торопится. Мне трудно бывает объяснить наши с ним отношения. Нельзя сказать, чтобы он был мой слуга. Зачастую его скорее можно назвать моим импресарио. Иногда я его содержу, иногда он меня — смотря по обстоятельствам. В общем, всякому ясно, что он мне неровня. Его имя — Питер О'Финни, но это нестрашно, все зовут его просто Финн, и он приходится мне каким-то дальним родственником — так по крайней мере он утверждает, а мне лень проверять. Но у людей всегда создается впечатление, что он мой слуга, у меня и у самого бывает такое впечатление, хотя объяснить, почему это так, я бы не взялся. Иногда я приписываю это тому, что Финн — смиренное существо, что он как-то невольно остается в тени и играет вторую скрипку. Если нам не хватает кроватей, на полу всегда спит Финн, и это кажется вполне в порядке вещей. Правда, я вечно даю Финну распоряжения, но только оттого, что сам он, по моему, не умеет придумывать, чем заняться. Некоторые мои знакомые считают, что у Финна не все дома, но это неверно: он отлично соображает, что к чему.

Когда Финн подошел наконец ко мне, я указал ему на один из чемоданов, но он его не поднял. Вместо этого он сел на него и обратил на меня взгляд, полный печали. Я сел на второй чемодан, и некоторое время мы сидели молча. Я устал, мне не хотелось расспрашивать Финна — подожду, пока сам расскажет. Он обожает неприятности, все равно, свои или чужие, и особенное удовольствие ему доставляет сообщать дурные вести. Финн довольно красив — долговязой, меланхолической красотой; у него длинные прямые темные волосы и костлявое ирландское лицо. Он на голову выше меня (я невысок ростом), но немного сутулится. От его скорбного взгляда у меня упало сердце.

— Что случилось? — спросил я наконец.

— Она нас гонит с квартиры, — отвечал Финн.

Принять это всерьез было невозможно.

— Перестань, — сказал я ласково. — Кроме шуток, что это значит?

— Велит нам выметаться, — сказал Финн. — Обои. Сегодня. Сейчас же.

Финн любит каркать, но он никогда не лжет, даже не преувеличивает. Однако я все еще отказывался верить.

— Но почему? Что мы такого сделали?

— Мы-то ничего не сделали, а вот она хочет кое-что сделать. Решила выйти замуж.

Это был удар. Я дрогнул, но тут же сказал себе: а почему бы и нет? Я справедлив и терпим. И в следующую минуту я уже прикидывал, куда нам податься.

— Но она мне ничего не говорила, — сказал я.

— Ты не спрашивал.

Это была правда. За последнее время личная жизнь Магдален перестала меня интересовать. Если она вздумала обручиться с другим мужчиной, винить в этом я мог только себя.

— Кто он? — спросил я.

— Какой-то букмекер.

— Богатый?

— Да, у него своя машина.

Это был критерий Финна, а в то время, пожалуй, и мой тоже.

— От этих женщин можно заболеть, — сказал Финн. Съезжать с квартиры улыбалось ему не больше, чем мне.

Я опять помолчал, ощущая тупую физическую боль, в которой ревность и уязвленное самолюбие мешались с горьким чувством бездомности. Вот мы

пыльным, жарким июльским утром сидим на Эрлс-Корт-роуд на двух чемоданах, и куда нам теперь деваться? Так бывало всегда. Стоило мне с великим трудом навести порядок в своей вселенной и начать в ней жить, как она взрывалась, снова рассыпаясь вдребезги, и мы с Финном повисали в воздухе. Я говорю «моя» вселенная, а не «наша», потому что порой мне кажется, что внутренняя жизнь у Финна очень небогатая. Сказано это отнюдь не в обиду ему — у одних она богатая, у других нет. Я это связываю с его правдивостью. Люди с тонкой душевной организацией, вроде меня, слишком многое видят и потому никогда не могут дать прямой ответ. Разные стороны вопроса — вот это всегда меня терзало. И еще я связываю это с его умением объективно констатировать факты, когда тебе это меньше всего нужно — как яркий свет при головной боли. Возможно, впрочем, что Финн тоскует без внутренней жизни и потому прилепился ко мне — у меня-то внутренняя жизнь очень сложная и многогранная. Как бы там ни было, я считаю Финна обитателем моей вселенной и не могу вообразить, что у него есть своя, где обитаю я; такое положение, видимо, вполне приемлемо для нас обоих.

До открытия ресторанов оставалось еще больше двух часов, а сразу встретиться с Магдален мне было страшновато. Она, конечно, ждала, что я устрою сцену, я же не чувствовал в себе для этого достаточно энергии, да и не представлял себе, какую сцену следовало устроить. Это еще нужно было обдумать. Выставить человека за дверь — лучший способ заставить его поразмыслить над тем, что осталось по ту сторону двери. Мне нужно было время, чтобы попытаться определить свой статус.

— Хочешь, выпьем кофе у Лайонса? — с надеждой спросил я Финна.

— Не хочу, — ответил Финн. — Хватит с меня того, что я тебя ждал, а она надо мной измывалась. Ступай поговори с ней. — И он пошел вперед. Финн обозначает людей не иначе как местоимениями или окликалами. Я поплелся за ним, стараясь выяснить, что же я собой представляю.

Магдален жила на Эрлс-Корт-роуд, в одном из этих отвратных домов-тяжеловесов. Она занимала верхнюю половину дома; там прожил и я больше полутора лет, и Финн тоже. Мы с Финном жили на четвертом этаже, в лабиринте мансард, а Магдален — на третьем (это, впрочем, не значит, что мы не виделись часто и подолгу, особенно вначале). Я уже стал привыкать к тому, что здесь я у себя дома. К Магдален иногда приходили знакомые мужчины, я ничего не имел против и ни о чем не расспрашивал. Мне это даже нравилось, потому что у меня тогда оставалось больше времени для работы, или, вернее, для туманных и бесприбыльных размышлений, которые я люблю больше всего на свете. Мы жили уютно, как две половинки грецкого ореха в одной скорлупе. Мало того, я почти ничего не платил за квартиру, а это тоже плюс. Ничто меня так не раздражает, как платить за квартиру.

Нужно пояснить, что Магдален — машинистка в Сити, или, вернее, была, когда началась рассказанная здесь история. Однако это не самая характерная ее черта. Главное ее занятие — быть самой собой, и на это она тратит бездну времени и ухищрений. Свои усилия она направляет по линии, подсказанной дамскими журналами и кино, и если ей, несмотря на прилежное изучение самых модных канонов обольстительности, не удалось окончательно себя обезличить, то объ-

ясняется это лишь каким-то не иссякающим в ней ключом врожденной живучести. Красивой ее назвать нельзя — это определение я употребляю скупко; но она миловидна и привлекательна. Ее миловидность — это правильные черты и превосходный цвет лица, который она прикрывает маской персикового грима, так что все лицо становится гладким и невыразительным, как алебастр. Ее завитые волосы всегда уложены по той моде, какая на данный день объявлена самой последней. Они выкрашены в цвет золота. Женщины воображают, что красота — это наибольшее приближение к некоей гармоничной норме. Они не делают себя неразлично похожими только потому, что у них нет на это времени, денег и технических возможностей. Кинозвезд, у которых все это есть, и в самом деле не отличишь одну от другой. Привлекательность Магдален — в ее глазах и в живости выражения и повадки. Глаза — единственное в лице, чего никак не скроешь; во всяком случае, такого средства еще не изобрели. Глаза, как известно, зеркало души; их нельзя закрасить или хотя бы побрызгать золотой пылью. У Магдален глаза большие, серые, миндалевидные и блестят, как камушки под дождем. Время от времени она зарабатывает уйму денег — не машинкой, а позируя фотографам; она вполне соответствует ходячему представлению о хорошенькой молодой женщине.

Когда мы явились, Магдален принимала ванну. Мы прошли в ее гостиную, которой электрический камин, кучки нейлоновых чулок и шелкового белья и запах пудры придавали необыкновенный уют. Финн плюхнулся на неубранную тахту, что строго запрещалось. Я подошел к двери ванной и крикнул:

— Мэдж!

Плеск прекратился, она сказала:

— Это ты, Джейк?

Бачок гудел как проклятый.

— Ну конечно, я. Послушай, в чем дело?

— Я не слышу, — сказала Магдален. — Подожди минутку.

— В чем дело? — снова прокричал я. — Ты что, правда выходишь за какого-то букмекера? Как ты могла не посоветоваться со мной?

Я чувствовал, что устроил вполне сносную сцену. Я даже ударил в дверь ванной кулаком.

— Ничего не слышу, — сказала Мэдж. Это была ложь — она хотела выиграть время. — Джейк, миленький, поставь чайник, мы попьем кофе. Я сию минуту выйду.

Из ванной Магдален выплыла на волне теплого, надушенного воздуха, как раз когда я заваривал кофе, и сейчас же юркнула к себе — одеваться. Финн поспешно встал с тахты. Мы закурили и стали ждать. Прошло еще немало времени, и вот Магдален появилась во всей красе и стала передо мной. Я смотрел на нее изумленный. Во всем ее облике произошла разительная перемена. На ней было облегающее шелковое платье дорогого и затейливого фасона и много драгоценностей, по виду не дешевых. Даже выражение ее лица как будто стало другим. Только тут я до конца понял, что сообщил мне Финн. Пока мы шли к дому, я был слишком поглощен собой, чтобы задуматься о том, как глупа и нелепа затея Мэдж. Теперь эта затея явилась мне в денежном выражении. Да, такого я не ожидал. Раньше Мэдж общалась со скучными, но гуманными дельцами, либо со служащими, тяготеющими к богеме, либо, на худой конец, с литературными поденщиками вроде меня. Какой же диковинный изъясн в процессе расслоения общества свел ее с мужчиной, который мог

вдохновить ее на такие туалеты? Я медленно обошел вокруг нее, внимательно приглядываясь.

— По-твоему, я что, памятник Альберту? — сказала Магдален.

— Ну что ты, с такими-то глазами! — И я заглянул в их крапчатую глубину.

Тут меня пронзила непривычная боль, и я отвернулся. Нужно было лучше за ней следить. Метаморфоза, конечно же, подготавливалась уже давно, только я-то по своей тупости ничего не заметил. Такую женщину, как Магдален, не переделаешь за одни сутки. Кто-то тут поработал на совесть.

Мэдж с любопытством на меня посматривала.

— Что с тобой? — спросила она. — Ты болен?

Я вслух повторил свою мысль:

— Мэдж, я плохо о тебе заботился.

— Ты совсем обо мне не заботился, — сказала Магдален. — Теперь этим займется другой.

Смех ее звучал язвительно, но глаза были смущенные, и я уже готов был даже сейчас, на такой поздней стадии, сделать ей опрометчивое предложение. В странном свете, внезапно озарившем нашу прошлую дружбу, я увидел что-то, не замеченное раньше, и попытался мгновенно постичь, почему Магдален мне нужна. Но я тут же перевел дух и последовал своему давнишнему правилу — никогда не говорить с женщиной откровенно в минуты волнения. Ничего хорошего из этого не получается. Не в моей натуре брать на себя ответственность за других. Мне и со своими-то затруднениями дай Бог справиться. Опасная минута миновала, сигнал выключили, блеск в глазах Магдален погас, и она сказала:

— Налей мне кофе.

Я налил.

— Так вот, Джейки, — сказала она, — теперь ты понимаешь. Я прошу тебя забрать отсюда свое добро как можно скорее, хорошо бы сегодня. Все твои вещи я снесла к тебе в комнату.

И верно. Разнообразное мое имущество, обычно украшавшее гостиную, исчезло. Я почувствовал, что уже не живу здесь.

— Нет, не понимаю, — сказал я, — и очень прошу тебя, объясни.

— Увози все, — сказала Магдален. — За такси я могу заплатить. — Теперь она была совершенно спокойна.

— Будь человеком, Мэдж. — Я уже снова тревожился о себе, и от этого мне стало много легче. — Почему я не могу по-прежнему жить наверху? Я ведь не помешаю. — Но я и сам понимал, что это не годится.

— Ох, Джейк! — сказала Мэдж. — Ты просто болван.

Это были самые ласковые слова, которые я пока от нее услышал. Мы оба немного оттаяли.

Все это время Финн стоял, прислонившись к косяку и разглядывая какую-то точку в пространстве. Слушает он или нет, было непонятно.

— Ушли его куда-нибудь, — сказала Магдален. — От него дрожь пробирает.

— Куда я могу его услать? Куда нам с ним идти? Ты же знаешь, что у меня нет денег.

Это было не совсем так, но из осторожности я всегда притворяюсь, будто у меня нет ни гроша — такое впечатление обо мне может когда-нибудь и пригодиться.

— Вы взрослые люди, — сказала Магдален. — По крайней мере числитесь взрослыми. Можете решить сами.

Я глянул в сонные глаза Финна.

— Что будем делать?

Финна иногда осеняют удачные идеи, да и подумать у него было больше времени, чем у меня.

— Поедем к Дэйву, — сказал он.

Я не нашел что возразить, поэтому сказал: «Ладно» — и тут же заорал ему вслед: «Возьми чемоданы!», потому что он стрелой ринулся к двери. Иногда мне кажется, что Финн недолюбливает Магдален. Он вернулся, взял один из чемоданов и исчез.

Мы с Магдален посмотрели друг на друга, как боксеры перед началом второго раунда.

— Послушай, Мэдж, — сказал я, — не можешь ты меня выселить вот так, ни с того ни с сего.

— Ты и вселился ни с того ни с сего, — сказала Мэдж.

Это была правда. Я вздохнул.

— Поди сюда, — и я протянул ей руку. Она дала мне свою, но рука была неподатливая и безответная, как вилка, и очень скоро я ее выпустил.

— Не устраивай сцен, Джейки, — сказала Мэдж.

В ту минуту я не мог бы устроить никакой, даже малюсенькой, сцены. Я почувствовал слабость и прилег на тахту.

— Так-так, — сказал я мягко. — Значит, ты меня выгоняешь, и притом ради человека, который наживаете на чужих пороках.

— Все мы наживаемся на чужих пороках, — сказала Мэдж, напустив на себя ультрасовременный цинизм, что ей очень не шло. — И я и ты, а ты еще используешь даже худшие пороки, чем он. — Это относилось к тому разряду книг, какие я время от времени переводил.

— Кто хоть он есть? — спросил я.

Мэдж заранее пыталась прочесть на моем лице, какое впечатление произведет ее ответ.

— Его фамилия Старфилд, — сказала она. — Возможно, ты о нем слышал. — В глазах ее сверкнуло бесстыдное торжество.

Я напряг мускулы лица, чтобы лишить его всякого выражения. Вот оно что — Старфилд, Сэмюел Старфилд, Святой Сэмми, король букмекеров. Сказать про него «какой-то букмекер» было со стороны Финна некоторой натяжкой, хотя у него и до сих пор еще была контора вблизи Пикадилли и над дверью — его фамилия из электрических лампочек. Сейчас Старфилд занимался всем понемножку в тех сферах, какие доступны его вкусам и средствам: дамские туалеты, ночные клубы, кино, рестораны.

— Понятно, — сказал я. Я не намерен был осчастливить Мэдж бурной демонстрацией. — Где же вы познакомились? Меня это интересует с чисто социологической точки зрения.

— Не знаю, что ты имеешь в виду, — сказала Мэдж. — Но если тебе так уж интересно, мы познакомились в одиннадцатом автобусе.

Это была явная ложь. Я покачал головой.

— Ты избрала карьеру манекенщицы, — сказал я. — Тебе предстоит посвятить все время тому, чтобы олицетворять кричащее богатство. — И тут же у меня мелькнула мысль, что такая жизнь, может быть, и не самая скверная.

— Джейк, уезжай, пожалуйста, — сказала Магдален.

— Как бы то ни было, — сказал я, — не здесь же ты будешь жить со Святым Сэмми?

— Эта квартира будет нам нужна, и я хочу, чтобы тебя здесь не было.